

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. И. Мещанинов—Язык ванской клинописи

Халдоведение — наука сравнительно новая. Основана эта наука не на нашей территории и не нашими учеными, тем не менее имеется много оснований для того, чтобы превратить ее в «отечественную» науку.

I. Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что халдский язык не принадлежит ни к семитической, ни к индоевропейской группе языков. Теперь едва ли кто-либо сомневается в правильности взгляда, высказанного еще основателями этой науки С е й с о м и Л е н о р м а н о м о родстве этого языка с карийскими языками и, в частности, с грузинским языком.

II. Наши ученые—П и к о л ь с к и й, М а р р, М е щ а н и н о в, О р б е й и—принимали живое и деятельное участие в развитии этой науки не только в форме искания и собирания халдских эпиграфических материалов, но и в разработке и изучении этих материалов. Особенно крупные заслуги принадлежат изучению этих материалов академику И. И. Мещанинову.

III. Советское Закавказье в очень значительной степени является районом распространения халдских надписей. Нужно полагать, что Закавказские и их исследователи, всегда чутко относящиеся к указаниям правительства, помнят призыв товарищей Сталина, Кирова, Жданова об изучении истории народов и, в конце концов, возьмут в свои руки судьбы этой молодой и многообещающей науки.

IV. Европейские ученые, в руках которых до сих пор находились судьбы этой науки, допускали и допускают две роковые ошибки:

а) они изучали и изучают халдский язык вне всякой связи с родственными кавказскими языками;

б) они обычно изучают эпиграфический материал, вне всякой связи с другими материалами археологического, исторического и этнографического характера.

Без устранения этих роковых ошибок едва ли можно поставить новую науку на солидную основу.

Халдоведение до сегодняшнего дня занято, главным образом, изучением надземных и преимущественно эпиграфических материалов. Но мы спрашиваем: разве блестящие успехи ассириологии, египтологии, хеттологии основаны на изучении надземных материалов? Разве наши познания о крито-микенской культуре имеют в какой-либо степени основания на изучении эпиграфических материалов?

Халдоведение до сих пор ни в какой степени на археологический материал не опирается, так как, за исключением весьма поверхностных раскопок в Топракале, никто никаких халдоведческих раскопок не производил.

Акад. Мещанинов—крупный советский халдовед—не только свободен от вышеуказанных ошибок, но сам является неустанным глашатаям необхо-

димости их устранения. Акад. Мещанинов вновь и вновь ставит вопрос: «Можно ли продолжать изучение халдского языка в старой изоляции и не следует ли решительно перейти на рассмотрение его в непосредственной связи со структурой языков того же стадиального окружения?» На этот вопрос он отвечает так: «Если язык Вана относится к числу кавказских яфетических, то без учета структурных норм последних халдский язык никогда не будет понят. С другой стороны, именно в яфетических языках Кавказа мы находимся перед поразительными аналогиями, обойтись без которых халдоведение не может. Его основной своей целью оно ставит всестороннее освещение речи письменных памятников народа—предшественника государственных образований Закавказья». Наиболее поразительной аналогией между халдским и, скажем, мергельским языком (а также и другими кавказскими языками) является так наз. пассивная конструкция речи. Ф р. Г о м м е л ь как-то говорил, что душа языка пужно не в его этимологии, а в синтаксисе, т. е. не в словообразовании, а в структуре речи. Если это так, а это без сомнения так, то душа халдского языка очень и очень напоминает душу кавказских языков и, в частности, лазо-мергельского языка.

Книга акад. Мещанинова является блестящей иллюстрацией преимуществ рекомендуемого им сравнительного метода. Воздавая должное заслугам крупнейших халдоведов, как С е й с, М е м а н - Г а у н т, Г е т ц е и особенно И. Ф р и д р и х, он в то же самое время показывает, что эти ученые, несмотря на свою обширную подготовку, прекрасное знание предмета и остроумно спотыкаются на самых простых вещах вследствие того, что не могут или не хотят пользоваться сравнительным методом. Так, например, Фридрих не понял необходимости «разграничения пассивно построенных фраз с переходным глаголом от активного строя фраз с непереходным» (глаголом).

Далее, Фридрих полагает, что пассивная конструкция проникает весь языковой строй халдского. «Он не уловил вследствие этого наличия в языке халдов противоречия пассивности с активностью».

Следующий крупный корректив, предлагаемый акад. Мещаниновым, касается существования резко различающихся оформлений одного и того же глагола в совершенно аналогичных контекстах. Объясняется это обстоятельство наличием двух халдских языков; одного—кульгово-официального языка царства и вешаний стереотипного содержания, и другого—живого народного языка.

Акад. Мещанинов—один из крупнейших халдоведов современности, пожалуй и крупнейший, конечно, в СССР. В отличие от многих других халдоведов он изучает не только языковой, но исторический и археологический материал. Мы уже указывали, что без такого изучения нельзя поставить халдоведение на солидную ногу. Нам кажется, что наступило время подвести под новую науку более прочную базу. Это возможно только путем производства раскопок. Мы твердо убеждены, что на советской территории под руководством таких ученых, как акад. Мещанинов, они дадут такие же разительные результаты, какие дали раскопки в других Переднеазиатских странах.

А. С. Сванидзе

